

ВОПЛОЩЕНИЕ СОВЕСТИ

редал на имя Сталина.

Примерно через час позвонил Н.А. Вознесенский и спросил, действительно ли Сталин поручил мне заняться делами Молдавии и что уже сделано. Я рассказал ему о содержании переданного Сталину предложения.

— Ну и достанется тебе от Сталина. Да он тебе голову отрубят, — ответил Вознесенский.

Наконец слышу звонок. У телефона А.Н. Поскребышев:

— Поздравляю. Предложение твое принято. Сталин решение подписал...

Засуха и сбор хлеба были в тот год одной из главных проблем партии. Николай Семенович и не скрывает, что наказывали тех секретарей обкомов, которые допускали потери или срыв хлебозаготовок. Да и как могло быть иначе, если народ голодал? Но вот по-

является интересная деталь: обсуждается вопрос о том, кому поручить расследование обстоятельств срыва хлебозаготовок в южных областях. Сталин поручает это молодым работникам ЦК, пришедшим из секретарей обкомов, в том числе и Патоличеву. Они решают, что надо вынести выговоры ряду товарищей на местах. В ответ раздается реплика Берия: «Мальчишеское решение!» И тем не менее это «мальчишеское решение», сохранившее кадры от более серьезной расправы, принимается.

усилиями всего народа. И это действительно так. Еще мы говорим о мудрости Сталина, что тоже вполне справедливо. Но ведь были же десятки и сотни людей, осуществлявших соединение теории и практики, планов и жизни, руководства и народа страны. Без их единства двигаться вперед невозможно, что мы и видим сегодня. Николай Семенович был одним из тех, кто осуществлял это единство. Как вполне понятную и справедливую форму работы он воспринимал переезды из одной области в другую, из Москвы на Украину, с Украины — в Ростов, Белоруссию... Это была тогда судьба многих партийных работников. Партия посылала туда, где трудно, где необходимы проверенные, надежные люди. Сегодня мы видим, что в этом был, наверное, и иной, более глубокий смысл. Кадры берегли, но и не давали им засиживаться на одном месте по 10–20 лет, не позволяли обрести неизбежными в таком случае личными привязанностями и связями, всей той бытовой ватой, которой потом научились очень ловко обкладывать руководителей, особенно партийных, размывая тем самым суть и смысл их работы. Это было бережение не столько самих людей, сколько их чистоты, незамутненности. И для таких, как Патоличев, эта политика была естественной и нормальной.

В послевоенном 1947-м не работали в полную мощь заводы и фабрики, были голодные люди, обрушилась засуха 1947 года... Не хватало всего. И команда молодых людей — им в большинстве не было и сорока, — в 35–37 лет уже воевавших или создававших наш оборонный тыл с его мощнейшей промышленностью, руководит областями и республиками. Эта команда руководствуется главным: быстрее спасти, сберечь, накормить народ.

Из книги:

«Это было в самом начале 1947 года. Как-то к вечеру мне позвонил товарищ Сталин:

— Ко мне на прием попросились руководители Молдавской Республики. Поручаю вам — примите их, разберитесь как следует и к утру дайте предложение... Говорят, что у них что-то очень плохо...

Что плохо, Сталин не стал уточнять.

Из рассказа руководителей республики было ясно, что положение в Молдавии трагическое — население республики голодало...

Но ведь предложение должно носить совершенно конкретный характер: чем помочь, в какой форме, в каких размерах, в какие сроки?

...В столь важной ситуации мы не смогли придумать ничего иного, как предложить организовать в Молдавии 500 бесплатных питательных пунктов...

Может, я и сам, читая эти строки, написанные кем-то другим, именно здесь остановился бы в раздумье: а могло так быть? Но так было. Для организации 500 бесплатных питательных пунктов было намечено выделить для республики определенное количество хлеба, круп, мяса, сахара и других продуктов.

В 10 часов утра я подписал предложение и пе-

С полным текстом документа можно ознакомиться в библиотеке

«Жизнь учит: неправильные действия и их последствия рано или поздно найдут тебя. И не всегда можно знать, что лучше — рано или поздно. Уж таков наш общественный строй — каждый из нас, особенно партийных работников, государственных деятелей, живет и работает под постоянным и строгим контролем глаз, умов и сердец советских людей.

В этих условиях, при других необходимых для государственного деятеля качествах, в состоянии ли ты обеспечить самоконтроль? Есть ли среди твоего ближнего окружения те, кто подскажет, уберезет, а то и воспрепятствует твоим негативным действиям?»

Не в бровь, а в глаз, правда же? Особенно сегодня — сегодня, когда сами слова об ответственности перед людьми, о самоконтроле руководителя и его окружения совершенно несовместимы с правителями России. Правители не вечны, Бог даст, еще будут востребованы и учтены, а главное, возвращены людям, оживлены эти слова. Самое главное, что они — наши, только нашей страной и историей выстраданные, созданные, воплощенные. Это — слова-принципы.

Они — из книги Николая Семеновича Патоличева «Совестью своей не поступись». Писалась книга 10–12 лет назад. Это сегодня мы понимаем, что совершалось и что готовилось, а тогда... Тогда только немногие мудрецы и провидцы, страдая и негодую, пытались уберечь нас от надвигающейся тучи, но мы были глухи. А вернее, оглушены, как бываешь оглушена глупая рыба в озере браконьерским динамитным взрывом.

Обаяние правды в книге так велико, что я не могу от нее оторваться. Ловлю себя на мысли: да ведь он — не писатель. И никогда себя таковым не считал. Кем он был — Николай Семенович Патоличев? Членом ЦК КПСС — 47 лет! С 1939 года и до горбачевской «чистки». Человеком партии он был — в первую очередь. Ее солдатом.

Он стал коммунистом в 20 лет, в 1928 году, и это определило судьбу, характер, масштаб личности и работы. Из крестьянских детей, из фабрично-заводского училища — до министра. Но дело не в занимаемых постах. Сам Николай Семенович вспоминал, как его дед говорил, что прошел путь от хлебоборова до... хлебоборова. И, познакомившись в годы войны с Терентием Семеновичем Мальцевым, Патоличев сказал о нем, что он тоже прошел замечательный путь от полевода до Полевода. Николая Семеновича больше всего потрясло в русском самородке его умение говорить всю правду. Познакомились они на Урале, в годы войны, когда Патоличев возглавлял Челябинский обком партии. Что такое Урал в то время, понятно каждому: кузница Победы с гигантской промышленностью, эвакуированной из европейской части страны, сотни заводов строились, восстанавливались и начинали работать не за годы — за месяцы. И ответственность за это — по законам военного времени, то есть головой. А у Мальцева была своя боль, своя забота — колхозы, которые кормили армию и промышленность хлебом, оставаясь сами на мякине. И он, простой полевод, пробивался к чрезвычайно занятию, сутками не спавшему секретарю обкома со своей заботой, и требовал, и говорил чисто по-уральски: «Николай Семенович, надо подмогнуть...»

Люди, подобные Мальцеву своей самообытностью, самоотверженностью и преданностью делу, как-то очень легко и естественно входили в жизнь Патоличева, где бы он ни работал, — в Ярославской ли области, на Урале, на Украине и в Ростове, в Белоруссии... Они были разными — Машеров и Гиталов, Якуб Колас и Шолохов, маршал Тимошенко, партийные работники, колхозники, рабочие... Их было много, забываемо интересных, мудрых, честных. Не потому ли, что он умел их заметить, запомнить? Не потому ли, что и они чувствовали в нем своего по духу и принципам? Ведь такие люди-моторы, люди-подвижники есть в народе всегда, в любой сфере жизни, будь то литература или управление, пашня или забой. Вопрос в том, умеет ли и хочет ли государство распорядиться их талантом, который они жертвенно, как всякий истинный талант, готовы отдать своей стране, ее чести и величию.

Когда мы говорим, что в годы Советской власти, первых пятилеток, войны, послевоенного восстановления страна все время двигалась вперед, мы, конечно же, в первую очередь подразумеваем, что происходило это